

Пользуясь моментом его замешательства, человек быстро сжал пальцы в определенном жесте.

Бай Чэ открыл дверь машины и крикнул Цяо Линнаню:

— Приведи его сюда!

Человек, испугавшись голоса Бай Чэ, прервал заклинание.

Цяо Линнань тоже очнулся, и человек попытался убежать, но он явно не был соперником для Цяо Линнаня. После пары движений его уже схватили.

Цяо Линнань подтащил его к машине, и в этот момент из дома вышли Гао Сяошоу и Лян Синь, видимо, разбуженные шумом снаружи.

Бай Чэ, глядя на пойманного, спросил Цяо Линнаня:

— Ты его знаешь?

Цяо Линнань кивнул, смотря на человека с недоумением:

— Дядя Ван, что происходит?

Дядя Ван сердито посмотрел на Цяо Линнаня и промолчал. В этот момент подошли Лян Синь и другие. Увидев Лян Синя, Дядя Ван широко раскрыл глаза, в его взгляде вспыхнула яростная ненависть, и он попытался броситься на него. Лян Синь, увидев его, в ужасе отступил на несколько шагов.

Цяо Линнань удерживал Дядю Вана, с недоумением глядя на обоих:

— Что вообще происходит? Лян Синь, объясни, что случилось?

Лян Синь нервничал, бормоча что-то невнятное, но так и не смог выговорить ничего внятного.

Цяо Линнань хмурился все сильнее, но Дядя Ван, немного успокоившись, наконец заговорил:

— Ну что? Когда ты приходил расторгать помолвку, ты был так уверен в себе. А сейчас боишься сказать? Ну же, расскажи всем, как ты поступил подло...

— Расторгнуть помолвку? — Цяо Линнань уставился на Лян Синя, его брови сдвинулись, а взгляд стал острым. — Ты хочешь расстаться с Сяоцзин?

Лян Синь, под давлением его взгляда, снова отступил, стиснув губы, но так и не произнес ни слова.

Дядя Ван продолжил:

— Не хочешь, а уже сделал. Научился у меня всему, а потом бросил мою дочь. Зачем мне такой бессовестный человек?

Цяо Линнань по-прежнему смотрел на Лян Синя:

— Почему?

Лян Синь, наконец, набрался смелости и резко ответил:

— В любви нет логики. Если чувства ушли, то они ушли. Ты сам постоянно крутишь романы, почему ты меня осуждаешь?

Гао Сяошоу был шокирован:

— Лян Синь, как ты можешь так говорить о Брате Нань? Ты же знаешь, что он просто...

— Пирожок! — резко прервал его Цяо Линнань, но его выражение лица оставалось спокойным, лишь в глазах застыл холод.

— Бессовестный! — снова бросил Дядя Ван и повернулся, чтобы уйти.

Остальные не обратили на это внимания, но Бай Чэ преградил ему путь:

— Сначаланими с него Проклятие пожирания сердца.

Дядя Ван уставился на Бай Чэ, но тот смотрел на него прямо, без тени эмоций.

Дядя Ван отступил на шаг, неохотно пробормотав:

— Зачем такому человеку жить? Он заслуживает ада.

Цяо Линнань подошел ближе:

— Дядя Ван, он, возможно, совершил много ошибок, но это не повод убивать. Если ты убьешь его, тебе тоже придется ответить. Я обещаю тебе, что разберусь во всем, хорошо?

Дядя Ван снова посмотрел на Бай Чэ, затем повернулся и направился к Лян Синю.

Лян Синь машинально отступил, но Дядя Ван лишь с презрением плюнул:

— Трус!

Затем он прикусил палец, приложил его ко лбу Лян Синя и произнес несколько слов заклинания.

Бай Чэ, не отрывая глаз, наблюдал за ним, пока символ проклятия на груди Лян Синя не исчез полностью. Только тогда Дядя Ван убрал руку.

Он подошел к Бай Чэ и неохотно сказал:

— Теперь я могу идти?

Бай Чэ уже собирался ответить, как вдруг Дядя Ван резко ударил его в грудь. Они стояли слишком близко, и Бай Чэ не успел уклониться. Дядя Ван, добившись своего, быстро отступил и бросился бежать.

Бай Чэ выплюнул кровь и рухнул на землю.

Все произошло так быстро, что никто не успел среагировать.

Цяо Линнань, хоть и был быстрым, успел лишь поймать Бай Чэ, когда тот падал.

— А-Чэ! — Янь-Янь, разъяренная, выплонула в сторону Дядя Вана огненный шар, но тот уже был далеко, и огонь не смог его достать.

— Бай Чэ? — крикнул Цяо Линнань, но тот не отреагировал, полностью потеряв сознание.

Цяо Линнань подхватил Бай Чэ и посадил в машину, крикнув ошарашенному Гао Сяошоу:

— Пирожок! За руль, в больницу!

Гао Сяошоу очнулся и быстро сел за руль.

Лян Синь колебался, но тоже сел в машину. Теперь его уже никто не замечал.

Когда их машина уехала, из огорода возле дома Лян Синя осторожно вышла женщина. Она сделала несколько шагов в сторону уехавшей машины, но вдруг заметила другого человека, бегущего вслед за Дядей Ваном. Она задумалась, а затем последовала за ним.

Машина выехала из деревни, и только тогда Янь-Янь сказала Цяо Линнаню:

— Нельзя везти А-Чэ в больницу.

— Почему? — удивленно спросил Цяо Линнань.

— А-Чэ нельзя в больницу! — настаивала Янь-Янь. — Он не умрет.

— Но...

Цяо Линнань колебался, затем потрогал грудь Бай Чэ. Сердцебиение было нормальным, и рана не казалась серьезной. Он вспомнил, что Бай Чэ ранее тоже отказывался ехать в больницу, и, немного подумав, сказал:

— Пирожок, едем домой.

Гао Сяошоу беспокоился:

— А как же рана Бай Чэ?

Цяо Линнань ответил:

— Дядя Ван силен в магии, но этот удар, вероятно, не смертелен. Бай Чэ выглядит нормально.

Гао Сяошоу промолчал. Бай Чэ был странным и загадочным, и, возможно, у него были свои табу, о которых они не знали. Янь-Янь, которая была ближе к нему, настаивала не ехать в больницу, и, вероятно, у нее были на то причины.

Цяо Линнань держал Бай Чэ, сжимая кулаки. Он был очень, очень зол.

Бай Чэ был его гостем, и в последние дни они столкнулись с множеством странных событий. Цяо Линнань, будучи детективом, был более внимателен и осторожен, чем обычные люди. Он подозревал, что все это было направлено против Бай Чэ, который был слишком загадочным и, вероятно, имел множество секретов, что делало его мишенью.

Цяо Линнань не хотел вмешиваться в чужие тайны и не любил лишних проблем. Он просто хотел вылечить Лян Синя, и все.

Но сейчас все казалось гораздо сложнее. Ненависть Дяди Вана к Лян Синю была понятна, и даже его неприязнь к Цяо Линнаню не была удивительной. Но у него не было никаких причин

нападать на Бай Чэ.

Цяо Линнань смутно чувствовал, что его использовали. Независимо от того, сколько врагов было у Бай Чэ, на этот раз он был приглашен Цяо Линнанем, и теперь, когда он пострадал, Цяо Линнань не мог оставаться в стороне.

— Лян Синь, — после долгого молчания заговорил Цяо Линнань, — что на самом деле произошло?

Лян Синь, уже немного успокоившись, смущенно извинился:

— Прости, Брат Нань, я наговорил глупостей. Не сердись.

— Я спрашиваю о тебе и Сяоцзин, — в голосе Цяо Линнаня чувствовался гнев. — Вы были вместе столько лет, все было хорошо. Вы ведь собирались пожениться через два месяца. Почему вдруг решили расстаться?

— Я... — Лян Синь нервно теребил пальцы, опустив голову. — Я влюбился в другую. Я не могу жениться на ней.

Гао Сяошоу, сидевший рядом, возмутился:

— Но Дядя Ван был так добр к тебе, научил тебя всему. Сяоцзин красивая и добрая, она хорошо относилась к тебе и твоим родителям. Как ты мог просто перестать ее любить? Если бы не Дядя Ван, я бы сам тебя отдубасил!

Лян Синь тоже заволновался:

— Я знаю, вы меня не поймете. Но в любви нет логики. Я признаю, что Сяоцзин замечательная, я не хотел такого, но чувства ушли, и я ничего не могу поделать. Брат Нань, ты же должен меня понять. Сколько людей тебя любят, но ты ведь не женишься на них, просто потому что не любишь?

Цяо Линнань холодно ответил:

— Кто она?

Лян Синь растерялся:

— Кто?

— Та, в которую ты влюбился, — уточнил Цяо Линнань.

— Прости, я не могу сказать, — снова опустил голову Лян Синь.

Цяо Линнань смотрел на него:

— Ты боишься назвать ее имя, значит, это кто-то, кого ты не должен любить. Может быть, из-за ее положения или поведения, верно?

Он сделал паузу:

— Я признаю, любовь нелогична. Но мы живем в этом мире не только ради любви. Есть мораль, законы, которые нужно соблюдать. Зная, что это неправильно, ты ради так называемой любви

причиняешь боль тем, кто тебе близок. Как ты хочешь, чтобы тебя поняли?

Лян Синь молчал, стиснув зубы, решив больше ничего не говорить.

<http://bllate.org/book/16794/1563939>